С. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902

Царствование Екатерины II составило новую эпоху в истории русского просвещения. В лице Императрицы-философа явился законодатель, лично прекрасно подготовленный к разрешению очередных задач народного образования. В первых законодательных проектах и публицистических опытах Екатерины разбросан ряд мыслей, предвещавших, что в реформах последней четверти века задачи общего образования будут выдвинуты на первый план. Как для Петра Великого профессиональное образование было средством распределить между сословиями труд создания материального государственного могущества, так главное намерение Екатерины клонилось к тому, «дабы не науки токмо и художество умножить в народе, но и вкоренить в сердца добронравие», «произвесть новое порождение, от которого бы прямые правила воспитания непрерывным порядком в потомство переходить могли», создать «народное умоначертание», являющееся залогом успеха всех политических реформ. Все эти планы, навеянные просветительной философией XVIII в., были преувеличенно смелы. Но из них сами собой вытекали такие цели, которые вполне согласовались с очередными, историческими задачами русского просвещения: готовить в школе не только профессионального работника, но «человека и гражданина», искоренять всякое «злонравие» детского и юношеского возраста средствами разумного воспитания, гуманной педагогии, а не карательными мерами, взятыми из уголовного кодекса; распространить просветительные заботы государства на женщин, «дабы все девушки не только обучались читать и писать, но имели бы и разум, просвещенный различными зна-

ниями, для гражданской жизни полезными», наконец, объединить мероприятия правительства по народному образованию в стройную систему.

В первые годы царствования Императрица особенно увлекалась приложением на практике своих излюбленных воспитательных идей по плану, изложенному Бецким в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества» [1]. <...> Другие вопросы народного образования сначала не привлекали к себе такого внимания Императрицы. В Наказе Комиссии о составлении проекта нового уложения она ограничилась общими рассуждениями о пользе просвещения для гражданского и государственного благосостояния и наставлениями о домашнем воспитании. В изданном затем «Начертании о проведении к окончанию Комиссии о составлении проекта нового уложения» означены три рода учебных заведений: низшие, средние и высшие. Но не столько по указаниям Императрицы, сколько по собственной инициативе, Комиссия занялась обсуждением важнейших вопросов народного образования. В числе 18 специальных комиссий, образованных при Большом Собрании, была учреждена в мае 1768 г. «Комиссия о училищах и призрения требующих».

Учебная комиссия составила проекты устройства четырех групп учебных заведений, переданные ею в Дирекционную Комиссию: 1) нижних деревенских училищ, 2) нижних городских училищ, 3) средних училищ, 4) училищ для иноверцев. В основу первых двух проектов была положена идея обязательности элементарного обучения для всего мужеского населения; учение производится местным духовенством или светскими учителями по руководствам, изданным Св. Синодом; надзор за школами вверяется духовенству, выборным представителям дворянства, а главное заведование — архиереям и губернаторам. Средние училища устраиваются по типу закрытых гимназий для дворян и разночинцев; они должны заменить собою и духовные семинарии; курс учения — многопредметный, составленный из наук гуманитарных и реальных; управление гимназиями имеет двойственный характер: оно находится в руках архиерея и губернатора, архимандрита, назначаемого Синодом, и светского ректора, определяемого университетом; учителя также делятся на 2 группы: духовных и светских, назначаемых Синодом и университетом. Училища для инородцев, хотя имеют целью сближение их с русским населением, но должны быть чужды всякого принуждения и прозелитизма: «внушение всякому правил естественного закона не заключает в себе никакого при-

нуждения веры, но может оное вместительно быть со всякою верою». В октябре 1771 г. комиссия занялась было рассуждениями об университетах, но успела сделать очень мало, так как в конце октября была закрыта.

Наконец, был поставлен вопрос о центральном учебном управлении. Учредить его предложила Академия наук. Оно должно было находиться в собственном ведении верховной власти, ни от кого не зависеть и не давать отчета никому, кроме Государя. Это ведомство, или «правительство», состоит из 9 лиц, из коих три избираются из «знатных просвещенных любителей наук», а остальные — из ученых; по выбитии кого-либо из членов выбираются три кандидата, и верховная власть утверждает одного из них. Оно должно заведовать всеми учебными заведениями без исключения, низшими, средними и высшими, составить общий план и уставы учебных заведений. Члены «правительства» попеременно объезжают учебные заведения и осматривают их. Но Комиссия не оценила этого проекта. В дневной записке 3 августа 1770 г. сказано: «обще господа члены рассуждали, какое учредить главное управление над училищами и, рассуждая, положили, чтобы особливого правления не делать, а подчинить оные Правительствующему Сенату».

Все эти планы, составившие в совокупности целую систему народного просвещения, с центральным учебным управлением во главе, не были выполнены. Но они остались важным историческим свидетельством все ярче назревавшей в передовых слоях русского общества потребности в системе общего образования.

Как относилась Императрица к столь серьезным трудам Комиссии по вопросам народного образования? По мнению графа Д. А. Толстого, она даже не знала о них: «не может быть сомнения, что Императрица не видела работ Комиссии и не слыхала о них; иначе было бы невероятно, чтобы такая умная и энергическая Государыня, действительно желавшая просвещения России и обращавшаяся ко многим лицам и вдалеке за советами по учебной части, не воспользовалась тем, что у нее было под рукою» [2]. Единственным законодательным актом семидесятых годов, коснувшимся народного образования и связанным с деятельностью Комиссии, было «Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи». Возобновляя мысль Петра о возложении обязанности устройства элементарного образования на органы местного управления, Императрица вверяла теперь «попечение и надзирание о установлении и прочном основании народных школ» на Приказы общественного призрения.

Им предписывалось не только во всех городах, но и в многолюдных селениях заводить элементарные школы «для обучения чтению, письму, арифметике, катихизису всех тех, кои добровольно пожелают обучаться в оных, в чем, однако же, не чинить никому принуждения, но отдать на волю родителей отдавать детей в школу или оставлять их дома», за учение установить умеренную плату, освободив от нее бедных. Затем излагаются обязанности Приказов наблюдать за исправным содержанием школ и учителей, за школьной дисциплиной и гигиеной. Но все эти предписания остались мертвой буквой, потому что в распоряжении Приказов не было ни денежных средств, ни учителей, ни школьных помещений, ни учебных руководств. «Едва ли и сама Императрица, — говорит граф Толстой, — смотрела серьезно на этот бюрократический обрывок многосложного законодательства о губерниях, вошедший в него мимоходом, для вида и приличия, и продолжала непосредственно и по собственной инициативе заниматься учебным делом» [3].

Действительно, семидесятые годы были для Екатерины периодом исканий, собирания материалов о школах, гимназиях и университетах. Она обращалась к своим заграничным корреспондентам, «господам философам, не принадлежащим ни к какой секте», с просьбою сделать «прекрасное дело», «составить план для обучения молодых людей, начиная от азбуки до университета». Философы снабжали Императрицу разными литературными сведениями, но более деятельной помощи оказать не могли: Гримм отказался принять на себя обязанность устройства учебной части в России, а Дидро прислал совершенно невыполнимый план [4]. Сама же Екатерина чувствовала себя беспомощной в столь сложном вопросе. «Меня уверяют, — писала она Гримму в начале 1775 г., — что необходимы три разряда училищ... Но я затрудняюсь составить себе понятие об университете, который управлял бы во первых гимназиями, а во вторых училищами». Ее угнетало отсутствие знающих, опытных советников. «Екатерина Вторая, — пишет она тому же Гримму в 1776 г., — не смотря на свое могущество и добрую волю, не в состоянии, по неимению помощников, сделать для России многих полезных дел и, между прочим, не может открыть училищ низших, средних и высших... Если вы согласитесь остаться у нас, тогда и вы и Я скажем, что вы получили возможность принести большую пользу государству. Только вы один можете оказать пользу в этом деле и гораздо более, чем Я, так как вы знаете дело лучше Меня».

Только в начале восьмидесятых годов Императрица Екатерина успела найти твердую точку опоры. После свидания в мае 1780 г. с Императором Иосифом II, познакомившим ее с успехами австрийских нормальных школ, устроенных по «саганской» методе, и со всеми употребляемыми в них руководствами, она остановилась на мысли ввести эту методу у себя, в России. Гримм, барон Дальберг[5], профессор Шаден[6], академик Эпинус[7] дружно поддержали это намерение. Эпинус, представивший свои соображения об устройстве элементарных школ, предложил учредить немедленно высшую учебную комиссию из двух или трех членов, под председательством высокопоставленного лица, которая приняла бы в руководство австрийскую учебную систему без всяких изменений.

Эта система, зародившаяся в Пруссии, была упрочена и разработана настоятелем Саганского августинского монастыря в Силезии Фельбигером[8]. Императрица Мария-Терезия, озабоченная насаждением народного образования в Австрии, пригласила Фельбигера в 1774 г. в Вену, назначила его директором учительской семинарии и поручила составить положение о начальном народном образовании. В этом положении или уставе, утвержденном 6 декабря 1775 г., изложены основания новой системы. Народные школы разделялись на элементарные (Trivialschulen), средние, в которых сверх первоначальных предметов, преподавались латинский язык, рисование, межевание, основания земледелия, географии, истории, и нормальные, т. е. образцовые школы или учительские семинарии, приготовлявшие учителей для начальных училищ. Во всех школах вводился новый метод преподавания: одновременное занятие со всеми учениками в классе и катехизация; из дисциплинарных правил изгонялись некоторые позорящие и вредные для здоровья наказания. Частное обучение должно было подчиняться методе, принятой в правительственных школах: домашние учителя обязывались держать экзамен в учительской семинарии или главной школе. Каждая школа управлялась своим попечителем или наблюдателем, а несколько школ — главным попечителем. В каждой провинции учреждалась училищная комиссия с участием в ней директора нормальной школы или учительской семинарии. Главное управление начальным народным образованием сосредоточено было в Вене, в учреждении, наименованном die General-Directoin des Deutschen Schulwesens, при котором состояла главная учительская семинария.

Чтобы ввести австрийскую систему в России, Императрица Екатерина нуждалась в человеке, который бы не только хоро-

шо изучил эту систему на месте ее происхождения и развития, но был бы также способен применить ее к русским условиям. Император Иосиф указал ей на директора народных школ в Темешварском Банате, православного серба Янковича-де-Мириево, и Екатерина поспешила пригласить его в Россию. Лучшего выбора сделать было нельзя. В лице Янковича Россия приобрела деятеля, сослужившего хорошую службу делу народного образования.

7 сентября 1782 г. на имя сенатора, тайного советника Петра Васильевича Завадовского последовал Высочайший указ: «По намерению Нашему учредить в Империи нашей народные школы, указали Мы собрать и перевести потребные к тому книги, и сверх того, для удобнейшего изъяснения, призвали Мы одного из трудившихся в устроении таковых народных школ в землях владения Его Величества Императора Римского, директора сих училищ в Темесварском уезде Федора Янковича, знающего язык российский и наш православный закон исповедающего. Соизволяя, чтобы сие полезное и необходимо нужное заведение во всей Империи нашей в наилучшем порядке и в совершенном единобразия учинено было, признали Мы за благо учредить особую комиссию, под собственным нашим ведением, назначая вас (Завадовского) к составлению оной, и вследствие того повеleваем: 1) книги, переведенные и кои будут еще переведены в пользу сих школ рассмотреть, и все, что в них потребует исправления для соглашения с законом нашим православным и с состоянием гражданским Империи нашей распорядить, представя Нам, прежде издания оных в печать, какие перемены и для чего сделаны. 2) Из тех книг, кои до веры касаются, сообщить оные преосвященному епископу Новгородскому, требуя его мнения к поправлению оных. 3) От директора Янковича план его о школах и все представления и изъяснения принимая, иметь по оным надлежащее рассуждение и, что положено будет, представлять Нам на утверждение. 4) Заведение народных школ начать с здешней губернии, и именно с той самой, которая в первой части города на иждивении Нашем учреждена, препоручена помянутому директору Янковичу, под ведением вашим, ее устроить; а дабы вы известны были, коликое число учителей к таковому заведению можно заимствовать от разных мест, доставлены вам будут полученные Нами списки, по которым вы нужное их число истребовать не оставьте, дабы они, под руководством означенного Янковича, в образе учения наставлены быть могли» [9]. Членами Комиссии, под председательством Завадовского, были назначены академик Эпинус

и состоявший в кабинете Императрицы у принятия челобитен Петр Иванович Пастухов. Постоянное участие в трудах Комиссии должен был принять Федор Иванович Янкович-де-Мириево. Так возникло учреждение, ставшее через 20 лет ядром Министерства народного просвещения. Плодотворная деятельность Комиссии очертила круг главных обязанностей Министерства и подготовила материал для разрешения задач народного просвещения, ставших на очередь в начале XIX в.

Три главных обязанности возложил на Комиссию указ 7 сентября 1782 г.: 1) начертать и постепенно приводить в исполнение общий план народных училищ, 2) приготовить учителей, 3) перевести на русский язык или вновь сочинить необходимые учебные руководства.

17 сентября 1782 г. уже был готов «План к установлению народных училищ в Российской Империи», утвержденный Императрицей 21 сентября [10]. Учебную часть его составил Янкович, составление хозяйственной и «политической», административной взяла на себя сама Комиссия, «поелику директору (Янковичу) гражданское здешнее состояние мало известно». По этому плану народные училища разделялись на три разряда: малые или нижние, средние и главные, курсы которых располагались концентрически: два низшие класса среднего училища соответствовали малому, а среднее училище совпадало с тремя низшими классами главного, состоявшего из четырех классов, из которых последний был двухгодичный. В 1783 г. были преобразованы по новому плану семь существовавших уже тогда в Петербурге малых училищ, а затем новые училища стали открываться в городах Петербургской губернии. Кроме главного народного училища в Петербурге, все остальные школы, открытые в 1782—1786 гг., были малые, т. е. двухклассные, «за неимением способных для высших классов учителей». Комиссия рассуждала, «что на первый раз и число учащихся велико не будет, почему каждый из учителей сих обучать должен будет в обоих классах всем положенным тут предметам».

Приготовление учителей было сначала сосредоточено в единственном главном народном училище в Петербурге. Первым директором его был Янкович, в 1785 г. замененный Осипом Петровичем Козодавлевым [11]. Первые ученики были набраны из Александро-Невской семинарии, Московской Славяно-Греко-Латинской академии, семинарий Смоленской и Казанской. На содержание училища и казенных стипендиатов, готовящихся в учителя, было назначено 10 000 руб. По докладу Комиссии, утвержденному Императрицей 9 июня 1783 г., при главном

училище должна была состоять особая учительская семинария. Но до 1786 г. главное училище исполняло обязанности семинарии, почему в журналах Комиссии оно называлось то учительской гимназией, то учительской семинарией. В июле 1786 г. учительская семинария была отделена от главного народного училища и стала самостоятельным учебным заведением. В ней преподавались те же предметы, что и в училище, но более подробно и основательно; главной же задачей было ознакомление учеников с методами преподавания.

Столь же энергично и успешно приступила Комиссия и к исполнению своей третьей главной обязанности, к составлению учебных руководств и пособий. С 1782 г. Комиссия издала до 30 сочинений оригинальных и переводных. И здесь особенно много потрудился Янкович, составивший несколько элементарных учебников и руководств, в которых прежде всего нуждались новые школы.

Энергичная деятельность Комиссии с самого начала заслуживала полное одобрение Императрицы. Опыт применения новой системы в одной Петербургской губернии был удачен, и в 1786 г. решено было обратить его в общегосударственную меру: к этому времени были готовы 100 учителей и необходимые учебные пособия. В апреле 1786 г. последовало Высочайшее повеление об открытии главных народных училищ в 25 внутренних губерниях [12]. Днем открытия Комиссия положила назначить 22 сентября, день коронации Императрицы, «дабы сей день, в блаженстве России знаменитый, имел сугубую славу и по начавшемуся в нем всеобщему народному просвещению». На наместников губерний рескриптом 12 августа была возложена обязанность приготовить все нужное для открытия училищ и изыскать средства для содержания их на средства местных Приказов общественного призрения. Между тем Комиссия выработала новый устав народных училищ, Высочайше утвержденный 5 августа 1786 г. Этот законодательный акт, сменивший учебный план 1782 г., как временную меру, впервые полагал прочные основы всеобщего народного образования в России.

По новому уставу, в отличие от учебного плана 1782 г., народные училища разделяются на два разряда: главные и малые; средние были признаны лишними. Главные училища, открываемые в каждом губернском городе, приготовляют учителей для малых. Желающим продолжать свое учение в высших училищах, т. е. в гимназиях и университетах, преподается латинский язык. Малые училища, соответствующие двум низшим классам главных, «должны существовать как в губернских городах, где

одного главного не довольно, так и в уездных городах, и где еще по усмотрению Приказа общественного призрения на первый случай могут быть надобны». Учение везде бесплатно. В малых училищах преподаются: чтение и письмо, арифметика, катехизис, священная история, русская грамматика, чтение книги о должностях человека и гражданина, чистописание и рисование; в старших классах главных народных училищ: катехизис, священная история, арифметика, русская грамматика, история, география, геометрия, механика, физика, естественная история, гражданская архитектура.

Главное управление народными училищами остается в руках Комиссии, которая иначе называется «Главным правительством училищ», или «Главным училищным правительством». Оно непосредственно подчиняется Верховной власти и представляет ей свои доклады. Для осмотра училищ оно командирует своих членов, снабжая их надлежащими инструкциями. Местное управление училищами в каждой губернии вверяется губернатору под высшим наблюдением генерал-губернатора. Губернатор есть попечитель училищ: «одна из числа первейших должностей попечителя есть стараться о распространении народных училищ от главного, в губернском городе находящегося, не токмо по городам уездным, но и другим селениям, колико способы ему то дозволять будут». При объезде губерний, посещая училища, как заведения «не менее других в себе пользы заключающие», губернатор ободряет учащих и учащихся, способствует начальству училищ в их устройстве и подготовке учителей, расширяет курс училищ прибавлением классов. Обязанность содержания училищ и заботы об их материальном благосостоянии возлагаются на Приказы общественного призрения: они изыскивают денежные средства на содержание училищ, устраивают для них помещения, содержат учителей и покупают учебники. На содержание главного народного училища назначено по штату 2500 руб. в год, на содержание малого — 500 руб. Руководство учебною частью вверяется в каждой губернии директору народных училищ, назначаемому генерал-губернатором. Он заседает в Приказе общественного призрения по делам, касающимся училищ, исправляет замеченные им в училищах недостатки, а о более важных докладывает Приказу, наблюдает, чтобы никто не был определен учителем, не выдержав экзамена в главном народном училище в своих познаниях и в усвоении методов преподавания. Директор обязан осматривать училище в губернском городе, по крайней мере, раз в неделю, по уездам же, по крайней мере, раз в год. Для наблюдения

за малыми училищами в каждом уездном городе попечитель избирает одного из граждан со знанием смотрителя училищ.

По справедливому замечанию графа Д. А. Толстого, в уставе 1786 г., так подробно разработавшем систему народного образования, особенно поразительным является полное умолчание о духовенстве, как будто дело христианско-нравственного просвещения народа до него не касалось. «Такое устранение духовенства от дела, столь близкого церкви, никак нельзя объяснить какою-либо преднамеренною тенденциозностью составителей устава... Очевидно, духовенство не было привлечено к делу народного образования только потому, что не было к нему готово, не умело и не могло за него взяться; это подтверждается как тем, что все учебники по Закону Божию написаны были не духовными лицами, а Янковичем, и только просмотрены и одобрены митрополитом Новгородским, так и тем, что Закон Божий преподавался в школах не священниками, а светскими учителями. Как не вспомнить о данном Императрице академиком Эпинусом совете: одновременно с просвещением народа возвысить уровень образования и духовенства, дабы оно могло быть руководителем народной школы» [13].

По закону 1786 г. заботы о дальнейшем развитии системы народных училищ разделились между Комиссией, снабжающей училища учителями и учебными пособиями, и органами общей местной администрации, которые обеспечивают училища материальными средствами. После того как первый выпуск ста учителей был размещен по открытым в 1786 г. 25 главным училищам, в учительскую семинарию произведен был новый набор ста воспитанников опять из духовных семинарий. Этот второй комплект учителей занял места в главных народных училищах, открытых в 1786 г. в остальных 19 губерниях.

Когда главные народные училища были повсеместно открыты, Комиссия сочла исполненной главную задачу учительской семинарии, и в среде ее даже возникла мысль закрыть семинарию, а приготовление учителей для всех классов училищ обоих разрядов поручить главным народным училищам. Но справедливое опасение, что эти училища, недавно открытые, не скоро будут в состоянии исполнить такую серьезную обязанность, а также учреждение новых училищ в областях, присоединенных от Польши, побудило Комиссию продолжить существование семинарии, пополняя ее по-прежнему воспитанниками духовных семинарий. Однако убеждение, высказанное Комиссией, что учительская семинария есть только временное учреждение, очень вредно отразилось на ее успехах: первые профессоры

были заменены воспитанниками самой семинарии, учение в ней постепенно падало и в 1792 г. совсем прекратилось. В 1794 г. оно снова возобновилось, а в 1801 г. был последний выпуск учителей. По счету Комиссии учительская семинария за все время своего существования приготовила 420 учителей, занявших места не только в народных училищах, но и в других учебных заведениях.

В 1789 г., по поручению Комиссии, членом ее Козодавлевым была произведена в 10 центральных губерниях ревизия народных училищ, которая обнаружила главные неблагоприятные условия, задержавшие успехи училищ и их распространение. В учебном отношении Козодавлев нашел все осмотренные им училища в хорошем состоянии, но заметил, что курс главных народных училищ слишком высок для потребностей городского населения: родители не видят пользы учения в старших классах училищ. Большие недостатки открыла ревизия в материальном положении училищ некоторых местностей, что объяснялось недостатком ревности со стороны местной администрации и Приказов общественного призрения. Несмотря, однако, на многие неблагоприятные условия, число училищ, устроенных Комиссией, постоянно росло: в 1782 г. насчитывалось 8 училищ с 26 учителями, с 474 учащимися мужеского и 44 женского пола; в 1801 г. — 315 училищ, 790 учителей, 18 128 учащихся мужеского и 1787 женского пола. «Все сии школы, — писала Комиссия в своем докладе Непременному Совету, — находятся везде в совершенном единообразии. Ученики все, в какой бы они школе ни были, читают одинакие учебные книги, и учители употребляют одинакий способ обучения и наблюдают одинакое распределение часов, назначенное прежде и после полудня, так что науки в школах сих преподаются в самом отдаленном краю России в одно и то же время и на том единообразном основании, на каковом преподаются оные и в самой столице».

Новой учебной системе, как образцовой, по воле Императрицы, должны были подчиниться все общеобразовательные и некоторые специальные учебные заведения, возникшие в разное время, находившиеся в разных ведомствах и не объединенные каким-либо общим планом. 7 сентября 1783 г. последовал указ, которым повелевалось: «находящемуся здесь (в С.-Петербурге) при церкви лютеранской св. Петра немецкому училищу быть впредь главным народным училищем для всех российских подданных, язык немецкий употребляющих, на таком основании, на каком состоят заведенные российские, с тою, однако, разницею, что училищу сему позволяется не только сохранить заве-

денные уже в нем классы сверх предписанных вообще для нормальных училищ, но и прибавлять к оным другие, по обстоятельствам и надобности, соблюдая токмо завсегда предписанный способ учения» [14]. Перевод учебных книг для всех немецких училищ и наблюдение за преподаванием в них возлагалось на особую управу из попечителя церкви св. Петра, двух ее проповедников, надзирателя училища и выборных от церковного собрания. «Управа сия зависеть должна от Комиссии об установлении народных училищ, получать от нее подробнейшие о должности своей наставления, представлять ей случаи сомнительные на разрешение и через нее, где надобно, испрашивать Высочайшие повеления».

Указом 5 сентября 1784 г. повелено было произвести подробную ревизию частных пансионов и школ в Петербурге. Осмотр русских школ Комиссия поручила профессору главного народного училища Сырейщикову [15], иностранных пансионов — членам управы немецких училищ. Всем содержателям пансионов предложено было подвергнуться испытанию, иностранцам в главном народном училище немецком, русским — в главном народном училище русском. Отказавшиеся от испытания не имели права с 1 января 1785 г. ни содержать пансионов, ни учить в них. Результатом осмотра было закрытие всех русских школ и одного иностранного пансиона. Учащимся в русских школах предложено было перейти в народные училища, где они могли учиться с большею пользою, и притом бесплатно. 30 иностранных пансионов и школ оставлены под условием введения в них новых методов учения. На будущее время Янкович составил, по поручению Комиссии, наказ о пансионах, по которому все петербургские пансионы, по примеру народных училищ, подчинялись Комиссии и Приказу общественного призрения. Способ учения в пансионах согласовался с методами в народных училищах. Открытие новых пансионов разрешалось Комиссией, одобряющей учебный план, состав преподавателей. Успехи преподавания в народных училищах должны были поверяться полугодичными публичными испытаниями в присутствии директора народных училищ и члена управы немецких училищ.

«Единообразие в книгах и учебном способе, чтоб не воспоследовало ни в учителях, ни в книгах какого разврата ко вреду общей пользы», служило также политическим целям. Русское народное училище на окраинах государства являлось орудием тесного сплочения их с коренной Россией. Эта политическая роль русских школ особенно серьезна была в прибалтийских и

западных губерниях. Управе немецких училищ было предписано, «дабы во всех народных Российской Империи немецких училищах, сверх прочих наук, стараться завести учение российского языка», «так как каждому из подданных российских язык российский весьма нужен». Указом 4 февраля 1785 г. Лифляндскому и Эстляндскому генерал-губернатору графу Брауну повелено было построить дома для народных училищ Рижской губернии и открыть в них училища «к размножению в тамошнем крае необходимого знания российского языка» [16]. В западных губерниях первые русские народные училища были открыты в 1789 г. в Киеве и губерниях Полоцкой и Могилевской. <...>

Учебные планы и методы народных училищ рекомендовались также духовным школам. Когда в 1785 г. Св. Синод поручил епископу-коадьютору Киевской митрополии устроить семинарию «для вящшего утверждения православия и просвещения народного», то Императрица указала, «чтобы для преподавания учений, свойственных церкви и народу полезных, сей семинарии присвоен был образ, для всех училищ в Империи Ее Императорского Величества узаконенный». Обращаясь к Завадовскому с просьбою доставить в Синод необходимые сведения о способах преподавания в народных училищах, обер-прокурор Синода упомянул, что обстоятельное описание народных училищ должно служить «пособием как той новоучреждаемой семинарии, так и прочим училищам». В 1786 г. Смоленский епископ Парфений просил Комиссию прислать ему учителя для введения в Смоленской семинарии методов народных училищ.

Наконец, Комиссия принимала участие в преобразовании учебных планов некоторых заведений совершенно отличного от народных училищ типа: училища Воспитательного общества благородных и мещанских девиц, Сухопутного кадетского корпуса, Казанской гимназии, Инженерного кадетского корпуса, училища солдатских детей, Рязанского дворянского училища. Главной задачей Комиссии было применить, по мере возможности, учебные планы и методы народных училищ ко всем этим разнородным заведениям. Принципиально важное значение имел в глазах Комиссии вопрос об отношении главных народных училищ к гимназиям, назначение которых, как средних общеобразовательных училищ, до некоторой степени было одинаково. 14 августа 1789 г., по поводу указа о подчинении казанских гимназий местному Приказу общественного призрения и согласовании их курса с курсом главного народного училища, Комиссия рассуждала, что «бывшее в гимназиях учение ни чис-

лом наук, ни пространством оных, не только не превосходит учение открытого в Казани главного народного училища, но еще сему гораздо уступает по выбору лучших и полезнейших предметов». На этом основании Комиссия пришла к заключению, «что обучавшиеся в оных гимназиях не токмо без потери, но еще с вящшею пользою могут учение свое продолжать в упомянутом главном народном училище, споспешествуемы будучи в оном и лучшим образом наставления, и что даже до будущего о гимназиях по всему государству постановления тамошнему юношеству нет почти нужды в учении тех гимназий на таком основании, как оно до сего времени было» [17].

Это недоброжелательное отношение к гимназиям, как к конкурентам главных народных училищ, выразилось также в последней большой выполненной Комиссиею работе, которая должна была завершить здание учебной системы, а самой Комиссии сообщить авторитет Министерства народного просвещения. Указом 29 января 1786 г. предписано было Комиссии приступить к составлению планов университетов и гимназий на следующих основаниях: на первое время достаточно иметь три университета: во Пскове, Чернигове и Пензе; богословский факультет не входит в состав университета, а медицинские факультеты открываются в таких размерах, какие нужны для снабжения обширной Империи искусными врачами; управление университетами, их права и преимущества согласуются с учреждениями государственными. При указе был доставлен план австрийских учебных заведений, пригодность которого для России должна была оценить Комиссия. Кроме того Завадовский предложил воспользоваться проектом преобразования Московского университета, выработанным особой комиссией. 24 февраля 1787 г. Комиссия постановила поднести императрице подробный план учреждения в России университетов, излагавший мысли о преподавании наук в их взаимной связи и последовательности. По мнению Комиссии, только теперь, в последней четверти XVIII в., когда на прочных началах поставлена система начального образования, наступило время насадить в России высшее образование, открыть университеты. Цель университета — «доставление государству людей, могущих отправлять служения, кои в отправляющем предполагают знание некоторых вышних наук, почему и называются университеты вышними науками». Университет разделяется на 3 факультета: философический, врачебной науки, правоведения. «Учение философское соединяет главные народные школы с вышними науками. Посему оно есть собственно среднее звено той цепи, ко-

торая начальное учение с науками звания (науки звания суть те, посредством коих учащийся приобретает себе в общежительстве особенное звание; науки приготовительные называются все вместе учением философическим) соединяет и к обоим имеет свое отношение». Для поступления на философический факультет необходимо свидетельство о прохождении курса главного народного училища. С этой точки зрения гимназии, как школы, подготовляющие к университету, были ненужны, и Комиссия оставила вопрос о гимназиях в стороне. Не должно быть сословных ограничений при вступлении в университет: «путь к просвещению отверзается каждому, лишь бы желающий просветиться был человек, имеющий не поврежденный ум». Поэтому звание студента может принять на себя и человек не свободный «без всякого наукам предосуждения». Науки должны преподаваться на русском языке, но, по недостатку ученых, профессорами назначаются сначала иностранцы. Во главе университета стоит правление: ежегодно избираемый ректор и «надзиратели» факультетов. Права куратора или попечителя принадлежат местному генерал-губернатору. Высшее начальство над университетом есть «Главное училищ правительство», именующееся ныне Комиссией об училищах. Представляя Императрице этот план, который должен был лечь в основание подробного университетского устава, Комиссия указала, что ежегодное содержание каждого университета не превысит 40 000 руб. Но созданный Комиссией план по разным обстоятельствам не был приведен в исполнение.

Создать полную систему народного образования Комиссии не удалось: более или менее прочно и удачно были поставлены элементарные школы, малые народные училища; главные народные училища оказывались неудовлетворительными в том отношении, что высшие их классы мало удовлетворяли непосредственным потребностям общества и не давали подготовки к высшему образованию; вопросом о гимназиях, как школах, дающих законченное среднее образование и готовящих к университетам, Комиссия совсем не занималась; подробно разработанный план университетов остался в проекте. Положение самой Комиссии, как «Главного училищного правительства», было недостаточно устойчиво и определенно: во все время своего существования она имела характер скорее временного, чем постоянного учреждения, органически входившего в состав высшего государственного управления.

Устав 1786 г. поставил Комиссию, как «Главное училищное правительство», под непосредственное ведение Верховной влас-

ти. Ей одной Комиссия обязана была представлять свои доклады и отчеты. Сначала, когда Императрица Екатерина с особенным вниманием следила за успехами учебной реформы, Комиссия представляла ей на учреждение все, даже мелкие, свои постановления. Но впоследствии, в некоторых случаях, Комиссия находила возможным обходиться без Высочайшего утверждения. Так, после открытия в 1789 г. второй группы главных народных училищ, Комиссия решила сократить число воспитанников учительской семинарии и переменить характер преподавания в ней. Но это постановление не было представлено Императрице на том основании, «что в рассуждении осложнившихся дел от сугубые войны (с Турцией и Швецией), а с тем и бремени правления, Ее Императорским Величеством подъемлемого, можно Комиссии обойтися, не отягощая Ее Величества оными докладами...»